

ХРАМ КОНФУЦИЯ В ХАРБИНЕ: ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И ОТКРЫТИЯ

Галина Семёновна КАРЕТИНА,
кандидат исторических наук

Из «трех учений» традиционного Китая конфуцианство с эпохи Хань стало государственной идеологией, на которой зиждились и управление страной, и внешняя политика империи. После того как в 195 г. до н.э. первый ханьский император Лю Бан собственноручно принёс высшую тройственную жертву (бык, баран и боров) на могиле Конфуция, этот ритуал стал обычным и для других императоров. Таким образом было положено начало государственному культу философа. В 555 г. последовал Указ о возведении храма в честь Конфуция в каждом городе страны и регулярных жертвоприношениях в этих храмах¹. Стоит отметить, что в отличие от даосских и буддийских храмов, построенных для отправления религиозных потребностей населения, в названии храма Конфуция нет имени философа или указания на вид религии. В его названии «вэньмяо» отразилась роль конфуцианских канонических книг для получения образования, знаний. Иероглиф «вэнь» означает «письменность, грамотность, культура». Поэтому храмы Конфуция служили также сложившемуся в Китае культу просвещения, в их названии подчёркивалась роль Учителя, которую сыграл Конфуций для потомков своей страны, а также конфуцианской культуры в широком понимании как основного регулятора жизни общества.

После Синьхайской революции конфуцианство как идеология деспотизма подверглось критике представителей «движения за новую культуру», однако личность Конфуция и его подвижничество в воспитании нравственных качеств человека никогда не вызывали негативного отношения, а, наоборот, послужили образцом социального идеала на все времена (за исключением, пожалуй, лишь политических кампаний Мао Цзэдуна периода «культурной революции»).

Правители республиканского Китая (1911—1949), лидеры бэйянской и гоминьдановской военно-политических группировок, выступали за сохранение конфуцианских культурных традиций. В ответ на отрицание конфуцианства идеологами «движения 4 мая 1919 г.» бэйянские милитаристы, контролировавшие отдельные регионы и провинции, издавали указы об обязательном чтении конфуцианской литературы и укреплении

конфуцианской морали. А шаньдунский губернатор Чжан Цзунчан издал 12 томов конфуцианских канонов. Президент Китайской республики Юань Шикай и премьер-министр Дуань Цижуй, начав реформу всей системы образования, в том числе военного, ещё до Синьхайской революции, настаивали на включении в проект конституции статьи, устанавливающей, что «Нравственное усовершенствование соответственно учению Конфуция составляет основу национального просвещения»².

Как оказалось, поклонником Конфуция был и Чжан Сюэлян, сын крупнейшего милитариста северо-восточных провинций и генералиссимуса Китая (1926—1928) Чжан Цзолина, пришедший к власти после убийства японцами его отца летом 1928 г. Несмотря на попытки Японии взять его под своё «покровительство», Чжан Сюэлян поднял на Северо-Востоке флаг Гоминьдана и подчинился новому генералиссимусу (Чан Кайши), объединившему Китай под своей властью. Храм Конфуция в Харбине был открыт в ноябре 1929 г., и к этому событию Чжан Сюэлян имел непосредственное отношение. Доказательством симпатий Чжан Сюэляна к учению Конфуция является воздвигнутая им стела в храме с высеченной на ней памятной надписью из 496 иероглифов. Однако побудительной причиной этого поступка были не только симпатии к философу и его учению, но и социально-политическая обстановка в северо-восточных провинциях в 20-е гг.

Кампания по сбору средств на сооружение храма была объявлена ещё в середине 20-х гг. Чжан Цзолинем. Харбин как главный город КВЖД в 1920-е гг. был одним из центров поселения русской эмиграции и в то же время главным городом так называемого особого района восточных провинций (ОРВП), в который входила ранее полоса отчуждения КВЖД, ставшая в 1924 г. предприятием совместного управления СССР и Китая, что было зафиксировано в соглашениях с пекинским правительством и особо с Чжан Цзолинем как правителем Северо-Восточного Китая, по территории которого проходила КВЖД. Однако во второй половине 20-х гг. ухудшились советско-китайские отношения. Одной из главных причин этого стала поддержка Советским Союзом и Коминтерном коммунистического движения в Китае, в частности, в связи с начавшейся национальной революцией 1925—1927 гг., в ходе которой КПК и Гоминьдан, вначале действовавшие в едином фронте, с апреля 1927 г. оказались по разные стороны баррикад.

В северо-восточных провинциях, служивших убежищем для российской политической эмиграции, в значительной степени под влиянием Белого движения сформировалась антисоветская позиция местных властей во главе с Чжан Цзолинем. В ещё большей степени этому способствовала деятельность российских большевиков и Коминтерна, считавших Чжан Цзолина главным врагом китайской революции, ставленником японско-

го империализма. Как зафиксировано в документах ВКП(б) и Коминтерна, на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято постановление «...повести бешеную агитацию против Чжан Цзолия, а его армию разлагать и революционизировать всемерно, помня что Чжан Цзолинь есть главное орудие в руках империалистов», а в проекте директивы восточного отдела ИККИ о военной работе КПК в специальном разделе о «дезорганизации вражеских сил» содержались рекомендации о разложении армии Чжана различными способами, в том числе путём развертывания печатной и устной агитации и пропаганды, чтобы «сосредоточить удары партизан и хунхузов против тыла Чжан Цзолия». Китайский историк Хуй Дэань и другие отмечают, что при подписании советско-китайского соглашения о КВЖД осенью 1924 г. Чжан Цзолинь поставил перед советскими дипломатами Кузнецовым и Караханом условие о прекращении помощи советского правительства Фэн Юйсяну и запрещении красной пропаганды на КВЖД, на что якобы получил их устное согласие. Однако это обещание не было выполнено³. Так, в совершенно секретной докладной записке И. В. Сталину от 30 сентября 1925 г. о поддержке вооружением народных армий (Фэн Юйсяна. — Г. К.) и Кантона (для Гоминьдана при помощи СССР формировалась Национально-революционная армия Китая во главе с Чан Кайши. — Г. К.) перечислялось военное имущество, отпущенное в 1924—1925 гг. и намечаемое к отпуску в 1925—1926 гг., в том числе Фэн Юйсяну было передано 30 тыс. винтовок, 172 пулемета, 60 орудий, 10 аэропланов и др., в 1925—1926 гг. предполагалось передать 20 тыс. химических снарядов⁴. Неудивительно, что со стороны Чжан Цзолия последовали антисоветские действия, в том числе и на КВЖД.

После поражения китайских коммунистов в национальной революции 1925—1927 гг. и прихода к власти правонационалистического крыла партии Гоминьдан во главе с Чан Кайши межгосударственные отношения СССР и Китая ещё более обострились. Как отмечают авторы второго издания книги «История Китая» под редакцией А. В. Меликсетова, «Безоговорочная поддержка борьбы КПК против складывающегося гоминьдановского режима не позволила московскому партийно-государственному руководству объективно оценить историческую роль гоминьдановского режима, увидеть в нём реальную национальную силу, стремящуюся к ликвидации полуколониального положения Китая. По этим же причинам в Москве не разглядели тогда в Чан Кайши крупного национально-патриотического лидера, способного сплотить Китай на платформе национального освобождения»⁵.

Нанкинское правительство во главе с Чан Кайши заявило, что его внешняя политика будет направлена в первую очередь на скорейшую отмену неравноправных договоров и соглашений. 7 июля 1928 г. МИД Китайской республики вручил всем представителям иностранных государств

заявление гоминьдановского правительства о намерении добиться отмены неравноправных договоров. 25 июля 1928 г. было заключено соглашение между США и Китаем о предоставлении последнему таможенной независимости. Другие державы также согласились на пересмотр тарифов с Китаем. В 1928—1929 гг. соглашения о таможенной независимости Китая подписали еще 12 государств, в том числе Франция, Германия, Англия, Италия. Япония, подписав подобное соглашение 6 мая 1930 г., добилась трехлетней отсрочки на введение новых пошлин на важнейшие статьи своего экспорта. 27 апреля 1929 г. нанкинское правительство направило державам специальную ноту с требованием отмены прав экстерриториальности, а в мае 1931 г. вновь декларировало своё намерение отменить все неравноправные договоры независимо от согласия держав и назначило новую дату — 1 января 1932 г. для вступления в силу правил, предусматривавших безусловную подсудность иностранцев китайским властям. В течение короткого времени путём переговоров нанкинскому правительству удалось добиться возвращения Китаю 20 концессий из 33, что стало большим дипломатическим и политическим успехом. Национальное правительство в Нанкине становилось реальной властью в Китае, получало международное признание и вело активную внешнюю политику. Одним из аспектов этой политики было стремление вернуть КВЖД⁶.

В этот период Чжан Сюэлян поддерживал внешнеполитический курс Чан Кайши, направленный на восстановление национального суверенитета Китая. Именно как реализацию этого курса представляют китайские историки антисоветские действия китайских властей на КВЖД в 1929 г. Они считают это проявлением патриотизма Чжан Сюэляна и его участия

Первые ворота к главному павильону.

в движении за ликвидацию неравноправных договоров. Люй Минцзюнь отмечает, что Чжан Сюэлян вначале не собирался использовать военную силу и пытался решить неурегулированные проблемы советско-китайских отношений путём переговоров. Но после того как советская сторона отвергла его предложения, перешёл к военным действиям. Другие китайские историки отмечают, что Чжан Сюэлян необдуманно предпринял эти акции на КВЖД, желая доказать свою верность Чан Кайши, не ожидая ответных военных действий со стороны СССР⁷.

Вернёмся в храм Конфуция в Харбине и отметим главную причину его возведения в этом городе. Лейтмотивом надписи, высеченной на стеле Чжан Сюэляна в честь Конфуция, было утверждение превосходства китайской традиционной культуры над мнимыми ценностями западной культуры и необходимости воспитания конфуцианских добродетелей в молодом поколении китайцев. Чжан Сюэлян выражал сожаление о том, что экспансия империалистических держав в северо-восточных провинциях повлекла за собой культурную экспансию и нанесла ущерб национальной культуре. Под влиянием колониальной культуры вытеснились традиционные нравственные ценности народа. Для противодействия этому процессу он считал необходимым положить в основу образования учение Конфуция, чтобы стимулировать национальный дух и способствовать усилению Китая. «Если гуманность (жэнь) и почитание старших (сяо) воцарятся в сердцах, это будет способствовать добрым нравам, и Поднебесная успокоится». Чтобы воспитать уважение к Конфуцию, необходим храм, в котором можно устраивать ритуал жертвоприношения Учителю⁸. Таково содержание и смысл текста, высеченного на стеле Чжан Сюэляна.

Главный павильон храма «Великое совершенство».

В нём, на наш взгляд, обнаруживается совершенно явное влияние социально-политических взглядов Чан Кайши.

В этот период главным идеологом гоминьдановского руководства становится Чэнь Лифу. Он разрабатывает концепцию «философии жизни», в которой развивает идеи Сунь Ятсена на базе традиционных моральных ценностей. Эта концепция легла в основу «движения за новую жизнь», официально провозглашенного Чан Кайши в феврале 1934 г. Движение ставило своей целью обновление и укрепление Китая через восстановление традиционных конфуцианских моральных ценностей — приучить каждого китайца к соблюдению принципов «ли» (ритуала), «и» (справедливости), «цянью» (скромности), «чи» (стыдливости), «сяо» (уважения к старшим)⁹.

В более поздний период социально-политические взгляды Чан Кайши были изложены им в книге «Судьба Китая», но начало их формирования, по-видимому, можно отнести к периоду его борьбы против неравноправных договоров. Как отмечает известный российский ученый Г.Д. Сухарчук, Чан Кайши обвинял либералов и коммунистов в том, что они не понимают «вечных качеств китайской культуры», копируя поверхностные аспекты западной цивилизации, вместо того, чтобы восприни-

Монумент Конфуция.

мать её основные принципы на пользу китайской экономике и народному благосостоянию. Буржуазный либерализм, с одной стороны, и марксизм — с другой, по мнению Чан Кайши, не только не соответствуют потребностям национальной экономики Китая в достижении народного благосостояния, но и противоречат духу китайской цивилизации, а те, кто поддерживают эти иностранные теории, лишь облегчают империалистическую агрессию в области культуры¹⁰.

Следует обратить внимание, что стела Чжан Сюэяна в храме Конфуция была воздвигнута сразу после окончания его сооружения и датирована 10 ноября 1929 г., т.е.

это событие произошло в разгар конфликта на КВЖД, накануне ввода Особой Дальневосточной армии (ОДВА) на китайскую территорию. Это не случайное совпадение, к нему привели все вышеизложенные обстоятельства, касающиеся постепенного ухудшения советско-китайских отношений, внешней политики Чан Кайши и его социально-политических убеждений, которые, по-видимому, разделял маршал Чжан Сюэлян. Эти обстоятельства отразились на содержании надписи Чжан Сюэляна на стеле.

Особенностью сооружения храма было то, что он возводился на пожертвования населения. Имена всех, кто пожертвовал сумму (от 100 юаней и более) были увековечены на обратной стороне стелы. Поименно указаны члены подготовительного комитета по сооружению храма — начальники бывшей и настоящей администрации ОРВП Чжан Хуансянь и Чжан Цзинхуй, в числе членов комитета есть одна русская фамилия — предпринимателя Соскина. Далее указаны имена и суммы пожертвований от организаций и личные. Общая сумма пожертвований составила 143 480 юаней. Самое большое (51 500 юаней) сделано Управлением железных дорог восточных провинций, личные пожертвования китайских и русских железнодорожных служащих составили 482 юаня; от городского управления ОРВП — 8 тыс., Комитета самоуправления Харбина — 2 тыс.; суммы от 300 до 2 тыс. юаней — от разных ведомств ОРВП, 10 тыс. юаней внесла Торговая палата Харбина. В списке много банков и различных фирм, в том числе русских — Дальневосточный банк (5 тыс.), предприятия Чурина (3 тыс.), Соскина (2 тыс.), Ковальских (3 тыс.) и др. Как видно, русские предприниматели не остались равнодушными к китайскому храму. Всего на его строительство и обустройство было затрачено 730 300 юаней¹¹.

Ритуал первого жертвоприношения в храме состоялся 23 марта 1931 г.¹², незадолго до японской оккупации Северо-Восточного Китая, несколько раз устраивался

Стела Чжан Сюэляна в честь Конфуция.

прояпонской администрацией Маньчжоу-го. В период «культурной революции» стелу Чжан Сюэляна пытались опрокинуть цзаофани, но не нашли подходящего инструмента. С началом политики открытости храм стал достопримечательностью для туристов. В настоящее время территория храма значительно уменьшилась, в боковых павильонах размещается музей малых народностей провинции Хэйлунцзян, о чём сообщает вывеска у входа. Минуя полукруглый пруд по белокаменному мостику, который символизирует место, где Учитель любил беседовать с учениками, через Врата Великого совершенства можно пройти в главный павильон, там находятся скульптура Конфуция в простом одеянии и ритуальная утварь на алтаре перед ней. В центре парка установлен памятник Конфуцию.

К этому можно добавить, что Чжан Сюэлян проводил активную политику в области образования на Северо-Востоке, начало которой было положено Чжан Цзолинем, основавшим, в частности, Северо-восточный университет. В 1928 г. Чжан Сюэлян стал по совместительству его ректором и прилагал много усилий для воспитания талантов, так как считал это необходимым условием ускорения модернизации Китая, культурного развития общества и поднятия всей нации. Он осуществил реконструкцию университета и построил новые корпуса, библиотеку, стадион, студенческое общежитие и городок для преподавателей и кроме казенных денег вложил в финансирование университета 1 млн. юаней собственных средств.

Северо-восточный университет стал одним из самых известных в Китае. 8 марта 1993 г., в год девяностолетия маршалу Чжан Сюэляну было присвоено звание почётного ректора и советника университета. По этому случаю Шэньянский политехнический институт восстановил своё прежнее название — Северо-восточный университет. Кроме того, в условиях тяжёлого финансового положения 1928 г. Чжан Сюэлян принял решение об увеличении общих расходов на образование. В провинции Ляонин они возросли в три раза — с 5490 юаней в 1928 г. до 16 350 в 1929 г., не считая частных вложений Чжан Сюэляна. В 1929 г. количество государственных и частных школ в провинции Ляонин достигло 10 404, увеличившись по сравнению с 1928 г. на 400 единиц, а число учащихся в них (641 343) возросло на 20 тыс. В провинции Цзилинь была расширена сеть школ начальной, средней и высшей ступени и за 4 года их стало больше на 78 единиц, а число учащихся — на 20 тыс. 1 августа 1929 г. был основан Цзилиньский университет¹³. В некоторых китайских публикациях отмечалось, что Чжан Сюэлян отменил почитание Конфуция и штудирование конфуцианских канонов в системе образования¹⁴. Однако храм-памятник Конфуцию, открытый в Харбине в 1929 г., является материальным свидетельством отношения Чжан Сюэляна к конфуцианским нравственным ценностям.

К возрождению традиций национальной культуры призывают и современные китайские ученые, тесно увязывая понятия традиционной национальной культуры и национального духа, отмечая, что путь к демократии и науке, провозглашенный в период «движения 4 мая» 1919 г., указан верно, но самым большим упущением было одностороннее и тотальное отречение от восточной культуры, которое нанесло колоссальный ущерб национальному духу. Они считают, что только путём органической интеграции западной и восточной культур можно сформировать национальный дух, отвечающий нуждам модернизации¹⁵.

¹ Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. М.: Вост. лит. РАН. 2001. С. 210.

² Крымов А. Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900—1917 гг.). М.: Изд-во Наука, 1972. С. 313.

³ Хуй Дэань. Чжан Сюэлян цзянцзюнь (Генерал Чжан Сюэлян). Шэньян // Ляонин жэньминь чубаньшэ, 1993. С. 50—52.

⁴ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. 1920—1925. М., 1994. С. 152—153, док. 156, 183. См.: Пескова Г. Н. Дипломатические отношения между СССР и Китаем в 1924—1929 гг. // Новая и новейшая история. 1998. № 1—2; Картунова А. И. Китайский вопрос в переписке Г. В. Чичерина и Л. М. Карахана. 1924—1926 гг. // Новая и новейшая история. 1998. № 6.

⁵ История Китая: учебник / под ред. А. В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 494—496.

⁶ Там же; Новейшая история Китая 1928—1949. М.: Изд-во Наука. Гл. ред. вост. лит. 1984. С. 14—16.

⁷ Чжан Сюэлян шэнья луныци (Сборник статей о жизнедеятельности Чжан Сюэляна). Пекин: Гуанмин жибао чубаньшэ. 1992. С. 49, 55.

⁸ Хаэрбинь вэньмяо шэнлань (Путеводитель по храму Конфуция в Харбине). Хаэрбинь чубаньшэ. 1992. С. 16.

⁹ История Китая. С. 494.

¹⁰ Сухарчук Г. Д. Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в.: Сравнительный анализ. М.: Изд-во Наука, 1983. С. 84.

¹¹ Хаэрбинь вэньмяо шэнлань. С. 18—21.

¹² Там же. С. 1—2, 13.

¹³ Ма Вэньлян. Дунбэй дасюэ юй Чжан Сюэлян цзянцзюнь (Северо-Восточный университет и маршал Чжан Сюэлян) // Ляонин дасюэ сюэбао. 1993. № 5. С. 36—39; Ху Юйхай. Чжан Сюэлян чжичжэн фанчжэнь цзяньчжэ (Анализ политики Чжан Сюэляна) // Ляонин дасюэ сюэбао. 1990. № 4. С. 53.

¹⁴ Чжан Сюэлян шэнья луныци. С. 3.

¹⁵ Общественные науки за рубежом. РЖ. Сер. Китаеведение. 1992. № 3. С. 9.

SUMMARY: In her article «The temple of Confucius in Harbin» G. Karetina reveals the historical circumstances previous to its opening in 1929, discovering some reasons of the construction of that temple. On her opinion, the main reason was the assertion by the rulers of China confucian moral principles for the building of modern China especially in education system.